

Автор: Максимова Е. (Украина)

Известно ли вам, что вечная слава ожидает тех, кто, получив от Бога в долг свою жизнь, отдал ее обратно в соответствии с законами природы и тем самым сделал Богу приятное?

Душам же тех, чьи руки безумно учинили над собой насилие, уготованы самые темные закоулки Аида.

Иосиф Флавий

Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм — вы (1 Кор. 3).

Тема моих размышлений оставляет больше вопросов, чем ответов. Она совершенно внезапно и неожиданно ворвалась в мою жизнь. Холодным зимним вечером мы с мамой что-то готовили на кухне, когда раздался тревожный стук в дверь. Принесли телеграмму. Мама встревожилась не на шутку. В телеграмме сообщение о смерти родственника с указанием его имени; но так как родственников с таким именем было несколько, мы терялись в догадках, кто умер и почему. Следует заметить, что все они были еще достаточно молоды, а самому молодому только что исполнилось двадцать три года. Не хотелось даже думать, что это он. Мама уехала на похороны, а я в переживаниях осталась ожидать ее возвращения. В голове пролетали тысячи мыслей, страх бережил душу, тревога зашкаливала. Но пока ничего не ясно, надо было сохранять спокойствие. Я ждала. И день настал. Мама вернулась с похорон. Первый мой вопрос: «Кто?». Мама не ответила, и я все поняла. Сомнений не было — это он. Но почему? Он ведь молод и здоров, что же случилось? И тут мама первый раз солгала мне, сообщив, что у него обнаружилась сердечная недостаточность. Но скрывать правду долго оказалось невозможным, и через некоторое время, когда мы остались наедине, она сказала: «Только тебе могу открыть правду. Он наложил на себя руки. Никому не говори. Семья скрывает. Это ужасно, да еще и стыдно». На мой вопрос, почему это случилось, мама не ответила. А позже сказала: «Не знаю. Я все время думаю об этом». Теперь мы думаем об этом вместе — и уже много лет. А тогда мне, еще юной, глупой и неопытной, захотелось спросить у мамы, страшно ли хоронить своих детей? Мама ответила очень тихо: «Страшно».

С тех пор прошло много лет, но воспоминания не давали мне покоя. Я все время размышляла: зачем, почему он так поступил? Перебирала в памяти его жизнь, пыталась понять мотив. Эта ситуация еще была отягощена тем, что за полгода до случившегося он сказал мне, что не хочет жить. Не понимаю, почему случилось именно так, а не иначе, но я, восемнадцатилетняя взрослая девушка, отреагировала, включив мораль, а не тепло своей души. Я сказала, что если он так поступит, то больше всего сделает своим родителям. Мне было невдомек, что, может быть, именно это и нужно было ему, обиженному на весь белый свет, а самое главное — на родных и близких. Сейчас я начинаю что-то понимать, а тогда мне казалось, что именно таким образом можно удержать его от ужасного шага. Но я ошиблась. Ровно через полгода случилось то, что

случилось.

Члены семьи делали что-то такое, из-за чего он не захотел жить. Он всегда чувствовал свою ненужность, считал себя лишним в семье, по крайней мере — менее любимым. С его точки зрения, домашние всячески подчеркивали это. В душе росла отчужденность. И я ловлю себя на мысли, что не так уж он был не прав. Я видела эту искаженную «любовь» друг к другу. Конечно, никто не предполагал, что все получится именно так, но, не желая причинять ему вред, семья незаметно для себя привела его к такой страшной и трагической кончине. Жизнь в семье оказалась тяжелым испытанием, вызовом, на который он ответил самоубийством. Но почему именно так? Какие демоны одолевали его? Чего он хотел? Наказать близких? Или самого себя? И то и другое получилось...

А ведь жизнь могла строиться по-другому. Была у моего родственника и личная жизнь, не связанная с родительской семьей, любимая девушка и, наверняка, планы на будущее. Можно было уехать, оставив родительское гнездо, жениться, родить детей и продолжать жить. Но он этого не сделал. Почему? Я не знаю. Почему-то мечь родителям оказалась важнее собственного счастья. Может, жизнь с родителями исказила представление о семье, поставила под сомнение тот факт, что семья — это место, где люди бывают счастливыми, радостными, могут доверять друг другу, а не бояться; может, он просто не верил в это? Жизнь сузилась до предела? Как, впрочем, и все, что связано с ним, с его жизнью и смертью.

В семье не поднимают вопрос его кончины. И хоть скрыть шило в мешке не удалось, тем не менее — тема суицида табуирована. Она не обсуждается, и никто никогда не вспоминает, как именно он ушел. Просто умер — и все. Но зарубка на сердце осталась. Она осталась и на моем сердце, и на сердцах моих родственников. В частности — на маминном. И тот вопрос, который я, со свойственной подросткам жестокостью, тогда

задала ей, она помнит до сих пор. И я его помню. Тем более вспоминаю в связи с тем, что и сама уже давно мама. И каждой нормальной матери страшно хоронить своих детей. Тем более — если ребенок принял такое страшное решение и сам себя лишил жизни. Впоследствии она будет задать себе вопросы: «Что я сделала не так, где ошиблась, где проглядела, на что не обратила внимание?» Но точного ответа нет, остаются только догадки. Может, и мои родственники задают себе эти вопросы? Я никогда не спрашивала их об этом и никогда не спрошу.

Однако эта тема занозой застряла в моем сердце. Чувство вины, безысходности, невозможность что-либо изменить угнетали меня. Что я могла сделать, как остановить это?

До сих пор слова суицид, самосуд, самоуничтожение, самоубийство холодят мою кровь, заставляют замирать сердце. Но есть еще и самопожертвование...

Людей, добровольного лишивших себя жизни, двигали к этому совершенно разные устремления души. Если говорить языком В. Франк-ла, они находили в этом совершенно разные смыслы. Например, спасти жизнь своих товарищей или причинить максимальный ущерб врагу из идейных соображений (как жертвовали жизнью А. Матросов, закрывший грудью амбразуру немецкого дзота, Н. Гастелло, направивший свой самолет на колонну вражеской техники, и их многочисленные последователи, как это делали японские камикадзе, исламские шахиды, революционеры разных стран и времен).

Кто-то умирал ради спасения товарищей, близких, кто-то — за идею, а кто-то — от безысходности и отчаяния, кто-то из-за страха, кто-то кому-то мстил своей смертью, а для кого-то смерть оказывалась легче перспективы продолжать жизнь.

Много об этом говорят и пишут. Только по-прежнему остается загадкой, что же все-таки заставляет человека принять такое чудовищное решение и не изменить его в последнюю минуту. Что он чувствует, переживает и думает перед добровольной смертью? Можно рассуждать о самооценке этих людей, о мотивах их поведения, о последствиях и результатах. Что это даст? Самоубийств на сегодняшний день не становится меньше. Единственный смысл исследования, на мой взгляд, — это задаться вопросом, мог ли кто предотвратить надвигающееся самоубийство, а если мог, то почему это не удалось сделать. Почему жизнь, такая широкая, разно-образная, много-образная сузилась до чего-то одного, почему человеком овладело одно чувство или одна идея, а другие померкли? Почему в процессе исполнения задуманного акта самоубийства человек не видит другого выхода, только такой?

Итак, вопрос: «В какой момент и почему самоубийство для человека обретает смысл, становится важнее всего остального?».

Писателей, поэтов, философов, ученых всех времен и народов интересовала эта тема. Они изучали ее, искали ответ, размышляли, посвящали свои научные труды, отражали ее в своих художественных произведениях. Э. Дюркгейм, З. Фрейд, Л. Бинсвангер, Дж. Лондон, В. Шекспир, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.И. Куприн, И.А. Бунин, А.П. Чехов, М.А. Булгаков, Г. Чхартишвили, многие другие очень известные или мало известные писатели и ученые обращались к ней (Бердяев; Достоевский, 2009; Чхартишвили, 1999; Дюркгейм, 1994; Лондон, 2007; Франкл, 2004).

Маялась от недостатка любви и семейного счастья Катерина в пьесе А.Н. Островского «Гроза», Наталья Коршунова в романе М.А. Шо-ло-хо-ва «Тихий Дон». Не вынесли смерти друг друга влюбленные юные герои пьесы У. Шекспира «Ромео и Джульетта». Маленькая девочка Несси из романа А. Кронина «Замок Броуди», страдающая от деспотичной «любви» своего жестокого отца, также кончает жизнь самоубийством. Для Анны Карениной многое оказывается невыносимым: во-первых, она обнаруживает, что Каренин может оказаться по своим душевным качествам выше, лучше, благороднее ее; во-вторых, свет-ское общество отвергает и осуждает ее, когда она поступает не так, как принято поступать по его неписаным правилам; в-третьих, у других людей, даже близких, обнаруживается своя, никак не связанная с ней жизнь, и мир вовсе не крутится вокруг нее.

Мне рассказывал один знакомый, что в их семье десятилетиями тяжелым грузом висела память о самоубийстве. В начале тридцатых годов, во времена коллективизации, на территории Верхнего Дона дедушка его жены покончил с собой. Обстоятельства того дела были таковы: он был сельским ветеринаром, на селе тогда человеком весьма уважаемым. Жил он с женой и маленьким ребенком; жили небедно. И вот началась коллективизация, и как-то ночью пришел уважающий его человек из сельсовета и сообщил, что фамилия дедушки значится в списке подлежащих раскулачиванию, т.е. у него должны были изъять имущество, а всю семью, оставленную без средств к существованию, погрузить в теплушки и выслать в Сибирь. Слухи о том, что это почти наверняка приведет к гибели от голода и холода, тогда уже ходили в народе. Долго дедушка жены говорил о чем-то с ночным гостем, а наутро попрощался с семьей, принял яд и умер. В сельсовете напротив его фамилии поставили «умер» — и семью никто не тронул. И вот лет пять назад один старец предложил моему знакомому, чтобы его жена описала ситуацию в письме владыке, руководителю их епархии. Письмо было написано и вскоре вернулось с резолюцией — разрешить заказывать службы, поминать как пожертвовавшего своей жизнью ради спасения семьи. Спасение семьи было его смыслом.

Итак, жизнью жертвуют ради кого-то или ради чего-то, имеющего для человека больший смысл, чем сама жизнь.

Если говорить языком Эмми ван Дорцен, то опора такого поступка всегда лежит в духовном, ценностном измерении бытия человека, в особенностях его миропонимания, его Веры. И тогда весь вопрос, во что человек верит. То ли в то, что стоит «положить душу свою за други своя» (Ин. 15, 13), как сказано в Евангелие. То ли в возможность избежать наступающего на Земле Апокалипсиса, переселившись на Сириус при помощи ритуального самоубийства, которое совершили члены швейцарско-французского апокалептического «Ордена храма Солнца»: пятьдесят три человека — в октябре 1994 г., а еще шестнадцать — в декабре 1995 г.

Тысячи людей попадают, казалось бы, в безвыходные ситуации, но совсем не все лишают себя жизни. Кто же они — люди, которые принимают решение покончить с собой? Чем отличаются от тех, кто не испугался превратностей судьбы? Почему бремя жизни становится для них невыносимым? Это мгновенное решение или итог длительного процесса? Если речь идет о процессе, то когда он зарождается? В детстве? В юности, молодости? Юность бывает глупой, зрелость — недостаточно мудрой, но ведь и пожилые, и даже совсем старые люди убивают себя. Смерть и так близка, прожито много и пережито немало, но это не убеждает остановиться и дожить остаток лет, умереть естественной смертью. Почему страх Божий не останавливает? Может быть, потому, что его просто нет, они неверующие? Или маловерующие? Или формально, обрядово верующие? А может, нет любви? Нет любви, и Бога тоже нет. А как у Ф.М. Достоевского: «Если Бога нет, то можно все». В потемневшей от страданий душе нет места Богу, его Заповедям, истории Его земного пути, нет места любви к другим людям — она заполнена чем-то другим. И верующего (вроде бы) христианина те муки и страдания, которые ожидают его в будущем веке, не останавливают сегодня, пока он еще жив. Все дело в этом «вроде бы» или в чем-то другом? Помню, после того, как я рассказала сыну сон об аде, он сказал мне, что сон — это хоть и страшно, но временно, а настоящий ад намного хуже, да еще и навсегда.

В одном из учебников по суицидологии в разделе, посвященном профилактике самоубийств, я прочла, что ни в коем случае нельзя говорить человеку, что суицид — это грех. Но так ли верна эта рекомендация?

В одну из психиатрических клиник поступила женщина, пытавшаяся покончить жизнь самоубийством. Трагедия ее жизни была такова, что она не желала не только бороться за жизнь и здоровье, но и принимать лечение. Весь ее организм отторгал жизнь. Постепенно угасали функциональные физиологические процессы и потребности. Она не хотела оставаться в этом мире, где больше не было ее единственного ребенка, который был смыслом существования, радостью, утешением, она видела только один исход для себя — скорее прекратить свою ставшую бессмысленной жизнь, умереть. Зачем жить? Именно ему, единственному, она посвятила всю жизнь — и что теперь?.. Отказ от пищи и общения, полное погружение в собственное горе. Помните, В. Франкл писал, что люди, имеющие смысл, имеющие что-то или кого-то, ради чего нужно было выжить, намного чаще выживали и возвращались из концлагерей (Франкл, 1990). А у нее этого смысла уже не было. И вот как мудро и тонко поступил лечащий врач. По-видимому, врач знал, что женщина эта, хоть и мало верующая, но все же верующая христианка. Конечно, выбор человек делает самостоятельно, тут не поспоришь. Но ведь и умереть можно по-разному. И тогда врач просто напомнил ей, что самоубийство — это грех и умереть таким образом — значит разлучиться со своим ребенком навсегда. Потерять возможность увидеть его даже в загробном мире, так как он умер своей смертью, а она совершит насилие над собой и никогда не попадет в рай, где наверняка прибывает ее утраченное счастье — ее ребенок. Это рассуждение доктора заставило женщину задуматься. Через некоторое время она попросила кушать, а еще через какой-то срок вышла из больницы. Через несколько лет после этих событий она родила еще одного прекрасного ребенка. Следовательно, доктор расширил ее представление о значении смерти в жизни человека, он показал не только преимущество жизни, но и придал значение выбору смерти.

Порой бывает так, что смысловой горизонт жизни человека уплощается, сводится к одной точке. Все подчинено служению одному делу или одному человеку. И тогда невозможность продолжать это служение ставит под вопрос само продолжение жизни. Так было и у моего родственника. Дальше семейных передраг он ничего не видел, не мог видеть — или не хотел. Все свелось к достижению единой цели — получить принятие и

любовь близких. Но на протяжении многих лет эта потребность не удовлетворялась, а жить по-другому он не хотел. Получается, что если не по его, то лучше никак.

Вспомним историю, которая произошла с героем романа В. Набокова «Защита Лужина». Жизнь Лужина была сведена до размера шахматной доски, а его смерть показала, как непонимание близких людей может довести человека до самоубийства. Лужин был лишен возможности заниматься любимым делом, делом, которому он посвятил всю свою жизнь — игрой в шахматы. Он мыслил шахматными ходами и фигурами, он продумывал рокировки и способы защиты, общался с другими и понимал их только через шахматную доску. И вдруг предписание врача и неумное желание жены четко ему следовать изменило всю его жизнь. Лужин подчинился и перестал играть, но он перестал быть собой; отказавшись от шахмат, он отказался от себя, и этот отказ стал для него невыносимым. Вся его жизнь была сужена до предела, до существования только в своем внутреннем мире, мире игры и шахматных рокировок. Он сбежал от всех, сбежал как маленький ребенок, доиграв в своем представлении последнюю шахматную партию — ту, которую ему не дали доиграть в реальной жизни. Он сбежал от всех в суицид и другого выхода не нашел.

Еще одна история жизненного пути, завершившегося трагедией суицида — это история Мартина Идена в одноименном произведении Джека Лондона. Молодой человек из самых социальных низов, из рабочего класса, с необыкновенной силой воли, влюбившийся в молодую богатую красавицу Руфь, совершивший ради нее подвиг культурного и социального преобразования, превращается в модного писателя, добивается ее любви. Впереди — перспективы благоустроенной семейной жизни с Руфью в высшем свете американского общества. А он — теряет интерес ко всему в жизни и разочаровывается во всем (Лондон, 2007).

Мартин обнаруживает, что общество — и Руфь в том числе — ценит не его, а его

социальный успех, его деньги. А ему нужно другое, ему нужно личное. Ему нужны были близкие, душевные отношения.

Кого он любил? Кто любил его? О родителях Мартина известно мало. С родственниками он поддерживал поверхностные отношения. Одна из сестер проявляла заботу о нем, жалела и даже любила по-своему, но и она была погружена в свои проблемы. Мартин чувствовал и понимал, что является для нее обузой и причиной ссор с мужем. Девушки его круга, с которыми он имел отношения, не соответствовали его потребности в любви и служили скорее для удовлетворения похотливых желаний.

У него была цель: попасть в высшее общество, где люди лучше. Путем невероятных усилий он добился своей цели. И что же? Оказалось, что здесь люди — те же, что и внизу, отличаются только внешним лоском. Руфь, с которой он связывал надежды на душевную близость, оказалась на нее не способной. Он разочарован. Разочарование — разрушение всех опор. Он достиг всего, к чему стремился, но все, ради чего он трудился, оказалось пустышкой, миражом. Мужество признать это у него было. А мужества продолжать искать душевной близости, самому проявлять ее у него не оказалось... Больше незачем было жить. Сформировать новую цель для себя, расширить горизонт и найти новый смысл существования Мартин не сумел — и предпочел добровольно умереть. Как человек, который, уткнувшись носом в картину, пытается рассмотреть ее. Вблизи видит ясно, видит четко и, наверное, правильно, но не видит всей картины — только маленькую ее часть.

Можно вспомнить историю Смердякова в романе Достоевского «Братья Карамазовы». Он отомстил всем и добровольно ушел из жизни, как бы насмехаясь над теми, кого он так сильно не любил. Суицид стал изощренной местью семейству Карамазовых.

Смерть моего родственника тоже напоминает уход ради отмщения. «Пусть живут без меня. Я не нужен, значит, меня не будет», — как будто говорит он. Много обиды, претензий, но нет любви и прощения, нет понимания.

Первая история самоубийства, которая является базовой для христианского мира — история Иуды Искарота.

Иуда Искарот был одним из ближайших учеников Христа, причем учеником, которому Учитель доверил носить ящик с деньгами, по-современному, — быть казначеем, экономом. Он имел счастье созерцать Его, слушать, внимать учению, видеть многие производимые Им чудеса; более того, он был среди тех его учеников, кого Иисус посылал ходить по селениям и исцелять людей. Но удивительным образом он остался глух к тому, что слышал и видел. Он был среди приближенных Мессии, будущего Царя; по-видимому, именно это, именно чувство приближающейся власти насыщало его несытую душу.

Знавшие Иуду лично люди, апостолы, говорили о его сребролюбии. В чем оно могло проявляться так, что они это видели? То ли в любви пересчитывать деньги, любви к тому, как они прибавляются, а не убавляются? То ли в самочинном распоряжении ими? В любом случае это говорит о том, что земные, мирские ценности ему казались важнее небесных, духовных. При нем и, наверное, для него Иисус говорил: «Отдай кесарю — кесарево, а Божие Богу»; невозможно, как оказалось, ему понять своего Учителя, говорившего в разных формах и неоднократно, что «царство мое не от мира сего», что невозможно служить Богу и мамоне (земным благам) одновременно.

Еще более усугубилось непонимание после торжественного въезда Иисуса в Иерусалим под многочисленные возгласы: «Благословен Царь, грядущий во имя Господне». Дальнейшие действия Христа совершенно не соответствовали его ожиданиям. Он совершенно не собирался брать власть в свои руки, начал говорить речи, Иуде уже совершенно недоступные. Иуда почувствовал себя обманутым, был сильно разочарован и принял решение действовать.

В трактовке его мотивов разные исследователи расходятся. Святители Иннокентий Херсонский и Дмитрий Ростовский считали, что он хотел себя показать перед синедрионом раскаивающемся в том, что шел за «лжепророком», и предательством своим сразу начать искупать свою «вину» и одновременно устанавливать отношения с руководством синедриона. Логика перебежчика. В их трактовке предложенная ему чисто символическая плата в размере цены за беглого раба, да еще и установленная за две тысячи лет до этого, являлась проверкой его мотивов. Взяв тридцать серебряников не торгуясь, он пытался показать синедриону чисто идейные мотивы своего предательства.

Святитель Феофилакт Болгарский считал, что Иуда попытался устроить гигантскую политическую провокацию и вынудить своего Учителя взять власть в свои руки.

Действия Иуды приводят к аресту Христа и суду над Ним. Приговор этого суда оказался для Иуды совершенно неожиданным. Сонм лжесвидетелей, передача Иисуса в руки оккупантов-римлян для казни произвели в Иуде нравственный переворот. Он обнаруживает, что синедрион с легкостью нарушает ветхозаветные Заповеди, что Иисус

не начинает никакой войны за власть и что Он обречен на мучительную смерть. Иуда обнаруживает, что своими действиями обрек на смерть своего Учителя, своего благодетеля, совершенно невинного человека. Иуда в отчаянии. Пытаясь хоть что-то изменить, он идет в синедрион и публично свидетельствует, что Иисус невиновен, что он, Иуда, согрешил, предав кровь невинную. Но ему говорят, что поздно, что суд уже прошел, что никому дела нет до твоих свидетельств. А если считаешь, что согрешил, то сам с этим и разбирайся. В последнем приступе отчаяния он бросает деньги в двери храма.

«В душе не оставалось никакой веры, никакой надежды. Он безвозвратно погиб. Самоубийство Иуды обнаруживает в нем глубокое потрясение совести и отчаяние полного безверия...» (Святитель Димитрий).

С одной стороны, потеря надежды и веры во Христа, с другой — разочарование в справедливости и праведности священников, с третьей — ужас от осознания собственного ничтожества.

И третье, самое последнее, оказалось самым довлеющим. Чувство ужаса от совершенного им поступка, невозможность что-либо изменить и, наконец, невозможность жить с больной совестью, с памятью о совершенном, жить не с ощущением себя чуть ли не праведником, избранным Мессией для великого служения, а страшным грешником, фактически со-убийцей своего благодетеля.

Мысль об искуплении своей вины своей последующей жизнью ему не пришла в голову.

А ведь и Апостол Петр отрекся от своего Учителя, испытал чувство вины, раскаяния и остался жить и искупать свою вину. «В это самое время Иисуса вели через двор. Он услышал знакомый голос Петра, отрекавшегося от своего Учителя, и, обернувшись, взглянул на него. И почувствовал Петр всю потрясающую боль и тоску этого молчаливого взора. Сердце разрывалось от жгучего стыда и раскаяния; горько рыдая, он вышел из первосвященнического дворца и услышал, как пропел петух. Много тяжких мук совести принесло Петру его отречение. Уже состарившийся апостол, любимый и уважаемый христианами, никогда не мог забыть этой ночи. Он часто плакал, и глаза его, как говорит предание, всегда были красны от слез» (Святитель Димитрий).

Оба ученика Христовы искусились и предали Христа, но как по-разному пережили они свои деяния и распорядились своими жизнями...

Для Иуды терзания совести, раскаяние оказалось доступным, а вот искупление вины, в отличие от апостола Петра, — нет. В чем тут дело? Может быть — в душе, погруженной в мир, душе, для которой очень важно превозноситься над людьми, для которой, выражаясь языком Эмми ван Дорцен, было сверхважно одно — занимать важное место в социальной иерархии... Человеку, жизнь которого сужена до одного измерения, социального, невероятно трудно себе представить иную жизнь, в которой он никогда не при каких условиях не будет занимать никакого видного места, а сверх того будет презираемым и гонимым. Исчезновение перспектив социальных для него оказалось одновременно и исчезновение перспектив жизни вообще. Так бывает с людьми горделивыми, мыслящими и чувствующими себя выше других. (Помнится вереница суицидов банкиров, крупных предпринимателей, разорившихся во время недавнего финансового кризиса, директоров обанкротившихся предприятий.)

Множество других историй можно привести в качестве примера. Все эти люди, потеряв в результате жизненных коллизий тот единственный смысл, к которому была сведена их жизнь, с чем-то не смогли смириться, с миром в душе принять тяготы жизненного пути, искать выходы из тех жизненных тупиков, в которых их привела дорога их жизни. И раз им не удастся расширить смысловой горизонт своей жизни, их пониманию остается доступен лишь один исход — побег в суицид.

Экзистенциализм не предполагает всестороннего анализа причин суицидального поведения. Это всего лишь попытка усвоить жизненные уроки, связанные с проблемой суицида, возможность размышлять над данной темой через личный опыт, через истории других людей, через художественную литературу.

Открытым остается вопрос к себе и к другим: как вовремя заметить, что для людей, живущих рядом с нами, смерть становится слаще жизни.

Литература

1. Архиепископ Лука (Войко-Ясенецкий). Дух, душа и тело. М., 1997.

2. Бердяев Н. О самоубийстве. (www.gumer.info)
3. Библия. Российское Библейское Общество, 2006.
4. Витакер К. Полуночные размышления семейного терапевта / Пер. с англ. М.И. Завалова. М., 2006.
5. Дорцен Э., ван. Практическое экзистенциальное консультирование и психотерапия. Ростов н/Д, 2007.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: Роман. М., 2009.
7. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В.А. Базарова. М., 1994.